

Машина перевернулась, и воздух наполнился криками. Угол глаза Ци Цзюньняня заливала кровь, стекавшая со лба, зрение затуманилось, но он изо всех сил старался не закрывать глаза. В тесном пространстве искореженного салона он видел лицо Линь Ханьхань. На её щеке виднелись мелкие порезы, но та сторона, что была обращена к нему, оставалась чистой. Она открыла глаза, словно взглянула на него, и на её губах промелькнула слабая, утешающая улыбка. Ци Цзюньнянь выкрикнул её имя, но в наступившем провале сознания увидел лишь, как она вдруг с силой выплюнула большой сгусток крови ему на лицо и окончательно обмякла.

— Линь Ханьхань!

Он обнимал Хэхуань в перевернутом автомобиле, его нога была зажата в кабине, и пошевелиться не было никакой возможности. Единственное, что он мог — это с силой выбить разбитое стекло окна.

— Помогите! — закричал Ци Цзюньнянь. — Здесь человек тяжело ранен! Помогите!

Голова Хэхуань безвольно повисла на его плече, словно жизнь окончательно покинула её.

Вокруг немедленно собрались люди, пытаясь вытащить их из ловушки, кто-то вызывал скорую помощь. Ци Цзюньнянь, охваченный головокружением, позволил вынести себя из машины вместе с потерявшей сознание Хэхуань. Он пребывал в полузабытьи, пока их не доставили в реанимацию; в голове всё ещё стояла та пугающая пустота, что накрыла его в момент аварии.

Хэхуань увезли в операционную, а он остался сидеть прямо перед дверью. Когда прибыл помощник, вызванный по телефону, он увидел Ци Цзюньняня, который в полном беспамятстве сидел на полу коридора. Его одежда пропиталась кровью, а лицо было перепачкано ею так, что едва можно было разобрать черты.

Сам он тоже получил серьезные травмы, особенно пострадали ноги, которые с таким трудом удалось высвободить из искореженного металла, но помощник с ужасом заметил, что его босс даже не удосужился наложить повязку — он просто сидел на полу, охваченный немим оцепенением.

Подошедшая медсестра тихо проговорила:

— Послушайте, попробуйте его уговорить. Если не обработать раны сейчас, могут остаться серьезные осложнения.

Помощник кивнул и подошел к нему, пытаясь поднять:

— Босс, пожалуйста, идите на перевязку. Я останусь здесь, хорошо?

Ци Цзюньнянь тупо посмотрел на него и пробормотал:

— Нет...

Его ладони упирались в холодный кафель пола.

— Линь Ханьхань...

Ци Цзюньян даже не понимал, что произносит.

— Босс, даже если вы так волнуетесь за госпожу Линь, нужно сначала обработать ваши собственные раны. Врачи говорят, что потом могут быть осложнения.

Помощник осторожно поддерживал его под локоть, с содроганием глядя на ногу своего начальника: там, где ткань брюк превратилась в лохмотья, виднелось сплошное кровавое месиво. Это выглядело жутко. Ци Цзюньян, казалось, вообще не чувствовал боли. Помощник украдкой взглянул на потерянное лицо своего босса и понял, что тот находится в состоянии глубочайшего шока. Если госпожа Линь выживет, думал он, то, похоже, скоро у них появится хозяйка.

— Босс, давайте сначала к врачу? — настойчиво повторял помощник.

Он не знал, что именно произошло в момент аварии, но сейчас важнее всего было позаботиться о безопасности самого Ци Цзюньяна. Нужно было разобраться в причинах катастрофы — если это не случайность, то дело принимало совсем другой оборот. Как помощник такого человека, он повидал немало интриг в деловом мире, и случались вещи куда более зловещие.

Но Ци Цзюньян не реагировал. Он сидел на холодном полу, не сводя глаз с ярко-красного табло над дверью реанимации. Надпись «Идет операция» жгла глаза. С самого момента аварии всё казалось нереальным, словно сон в густом тумане, сквозь который невозможно разглядеть истину.

Он никогда не думал, что Линь Ханьхань решится его спасти. Еще недавно он злился из-за её отношений с Гу Жунъань, они даже слова доброго друг другу не сказали... А теперь он сидит здесь, глядя на светящуюся табличку, словно судьба в этот миг замерла на весах между земным путем и бездной кошмара. Все его мысли были заперты за этой дверью.

Почему она закрыла его собой? В голове Ци Цзюньяна возникла дерзкая мысль: может, Линь Ханьхань всё-таки любила его? И всё, что происходило до этого, было лишь следствием любви? Он отчаянно хотел, чтобы дверь открылась и врач сказал, что всё позади. Тогда он смог бы спросить её: Ты... ты ведь правда меня любила?

Перед лицом смерти всё становится ясным. В те мгновения мысли не замутнены ни жаждой власти, ни деньгами, ни внешними факторами — они исходят из самых глубин души.

Ци Цзюньяннь чувствовал ледяной холод пола, не мигая глядя на ослепительную табличку, пока наконец дверь не открылась. Вышел врач в белом халате и маске.

У него вдруг возникло нехорошее предчувствие. Почему они вышли так быстро? Разве реанимация может закончиться так скоро?

Ци Цзюньяннь, преодолевая слабость, поднялся с пола и бросился навстречу:

— Доктор, как моя девушка?..

— Простите, мы сделали всё, что могли.

Мир Ци Цзюньяння содрогнулся. В ушах зашумело, он словно не расслышал, переспросил:

— Что вы сказали? Я не понял... моя девушка...

— Мужчина, вашу девушку доставили слишком поздно. Внутренние повреждения оказались критическими, печень разорвана. Мы боролись до последнего.

Врач снял маску, его лицо выражало сочувствие, но взгляд оставался спокойным. Он привык к смерти и расставаниям, поэтому, кроме легкого сожаления, ничего не чувствовал и не мог понять состояния Ци Цзюньяння.

— Вы можете попрощаться с ней.

Врач слегка кивнул и отошел. Ци Цзюньяннь оцепенело смотрел на распахнутую дверь реанимации. Мимо него проходили медсестры и другие врачи, и лишь у самых молодых из них в глазах читалась грусть. Остальные были бесстрастны.

Тела умерших пациентов позже отправляли в морг на цокольном этаже, а затем в похоронное бюро. Именно поэтому врач сказал ему попрощаться.

Вскоре в реанимационной палате никого не осталось, кроме Ци Цзюньяння, его помощника и Хэхуань, тихо лежащей на кровати. Она лежала неподвижно, на губах застыла слабая улыбка, кровь от раны на щеке была стерта. В ослепительно белом пространстве она казалась совершенно безжизненной, волосы разметались по подушке.

Ци Цзюньяннь взглянул на неё лишь раз, затем внезапно схватился за сердце и, тяжело дыша, опустился на колени. Воздуха не хватало.

Помощник в ужасе подхватил его за руку и крикнул в сторону коридора:

— Врач!

Он успел крикнуть лишь раз, прежде чем Ци Цзюньянь остановил его жестом. Опираясь на стену, он поднялся, махнул помощнику, приказывая уйти, и сам, шаг за шагом, направился к кровати.

Помощник не мог его остановить, но и уйти далеко не решился — он отошел в конец коридора и стал ждать там.

Ци Цзюньянь, держась за стену, подошел к кровати. Глядя на бездыханную женщину, он тяжело хрипел, а затем склонился и прижался лицом к её холодной щеке. Этот холод, казалось, пронзил его сердце.

— Ханьхань...

Он рухнул на кровать, обнимая её за шею, и в этот миг слезы хлынули из его глаз, капая на белую подушку.

— Не оставляй меня... Я больше никогда не буду на тебя злиться, слышишь?

Он метался, словно загнанный зверь, потеряв всякое мужество, и рыдал, стоя на коленях. Сердце разрывалось от боли, а в объятиях он держал лишь ледяную глыбу, от которой коченели конечности. Боль была единственным, что он мог чувствовать.

— Не поступай так со мной...

Ци Цзюньянь крепко сжимал её безжизненное тело, пальцы дрожали, перед глазами всё плыло, он бессознательно звал её по имени.

— Хань...

— Бах!

Это был звук тела, упавшего на пол.

Ци Цзюньянь, заливаясь слезами, сидел на полу и ошарашенно смотрел на женщину, которая внезапно села на кровати. У него даже голос перехватило от испуга.

Однако женщина, резко севшая, несколько секунд смотрела перед собой пустым взглядом, а затем закрыла глаза и снова повалилась назад, тяжело ударившись о матрас.

Сердце Ци Цзюньяня бешено колотилось — то ли от страха, то ли от надежды. Через несколько секунд он вскочил с пола и бросился к ней:

— Ханьхань! Ханьхань!

Он коснулся её щеки — никакой реакции.

Ци Цзюньян, пошатываясь, побежал к выходу, крича во весь голос:

— Врач! Врачи, помогите! Моя девушка не умерла!

Снова началась суматоха.

Когда всё наконец успокоилось, Хэхуань перевели в палату интенсивной терапии. Она лежала с кислородной маской на лице, всё такая же тихая, но на этот раз всё было иначе: она была жива.

Даже врачи были в шоке. Бывали случаи, когда пульс и активность мозга на время прекращались, наступала мнимая смерть, но чтобы так надолго? С разорванными внутренними органами — это было невозможно. Однако эта тихая девушка выжила, и, более того, они заметили, что её органы начали восстанавливаться. Если это не чудо, то что?

Но из-за влияния Ци Цзюньяня никто не смел болтать лишнего. В конце концов, это сочли медицинским чудом.

Дождавшись, пока её состояние стабилизируется, Ци Цзюньян обработал свои раны и настоял, чтобы в палате поставили вторую кровать — он хотел спать рядом с ней и наблюдать за её состоянием. Помощнику ничего не оставалось, кроме как нанять двух опытных сиделок и связаться с семьей Ци — всё-таки авария была серьезным делом.

Хэхуань всё это время не приходила в сознание. Хотя её удалось вернуть с того света, травмы были реальными. В неё врезался грузовик, и удар пришелся как раз с её стороны. То, что хоть кто-то выжил — уже чудо, а то, что выжили оба — невероятная удача. Но ей повезло меньше, чем Ци Цзюньяню: врачи предупредили, что она может не очнуться, и за ней нужен тщательный уход. Она еще не была вне опасности.

Ци Цзюньян, конечно, решил остаться с ней. Пережить такое один раз было достаточно — он не знал, выдержит ли, если это случится снова.

На самом деле Хэхуань была в сознании. В коме находилось лишь сознание этого тела, не её собственное. Вернуть Линь Ханьхань с того света было пределом её возможностей — большее нарушило бы правила этого мира. Поэтому, коротая время в одиночестве, Хэхуань от скуки болтала с Шисань Цзюэ.

Шисань Цзюэ, находившийся в Пространстве злодеев, наблюдал за её «тигриным прыжком» и даже бровью не повел, лишь медленно произнес:

— Ци Цзюньянь однажды умрет от страха рядом с тобой.

— Как ты можешь так говорить? — возразила Хэхуань. — Я ведь спасла его! Ты видел, как быстро я среагировала? Еще немного — и он бы остался изуродованным. И вообще, разве он не Сын удачи? Неужели Сын удачи в этом мире такой неудачливый, что попадает в такие аварии? Если бы не я, он бы, может, уже погиб.

— Он бы не погиб. Максимум — остался бы калекой, — безэмоционально ответил Шисань Цюэ.
— Ты хоть понимаешь, сколько баллов потратила?

— Есть деньги — есть и причуды, — ответила Хэхуань. Она видела, что Шисань Цюэ недоволен, и с улыбкой добавила: — Глупый, тебе стоит радоваться. Посмотри на список баллов Альянса злодеев — я самая добрая из всех! Или ты хочешь, чтобы я, как Цюцю, потратила миллион баллов на покупку кристаллической бомбы? Или как Цюсэ — убивала ради постижения Дао? А может, хочешь, чтобы я стала как Мэйтянь, превращая всё вокруг в ад?

Шисань Цюэ замолчал. Спустя долгое время он тяжело вздохнул, серьезно кивнув:

— Ты права. Ты очень хорошая, я доволен.

Поболтав еще немного о пустяках, Шисань Цюэ не захотел продолжать разговор и разорвал связь, предложив Хэхуань поспать.

В палате вместе с ней всё это время находился Ци Цзюньянь. Даже Гу Жунъань приходила навестить её — разумеется, вместе с тем мужчиной, с которым она обедала ранее, поэтому Ци Цзюньянь не стал их выгонять.

Хэхуань, хоть и была в коме, всё чувствовала. В тот же вечер она стала свидетелем того, как Ци Цзюньянь выяснял отношения со своей семьей.

Родные Ци, особенно его мать, были точь-в-точь как богатые дамы из бульварных романов. Она с презрением относилась к тому, что Ци Цзюньянь связался с «белым лотосом» — девушкой без роду и племени, у которой, кроме личика, ничего нет. Больше всего она хотела видеть его с Гу Жунъань. Но та уже согласилась расторгнуть помолвку, и семья Гу, души не чаявшая в дочери, не стала препятствовать — раз она нашла того, кого любит больше, значит, так тому и быть.

Семья Ци была еще богаче семьи Гу. Видя, что такая невестка ускользает, госпожа Ци возненавидела Линь Ханьхань еще сильнее, даже несмотря на то, что та только что спасла её сына. По её мнению, в таком случае достаточно было выписать чек — для девушки из бедной семьи это была бы щедрая награда за спасение, но никак не повод для того, чтобы сын «отплатил собой».

Отношения Ци Цзюньяня с семьей были прохладными. В детстве родители сошлись по расчету, заботы он не видел, но и притеснений не было — обычные формальные отношения. Именно это и стало главной причиной его холодного характера.

Он был человеком с твердыми принципами. Госпожа Ци, хотя и была его матерью, не могла его запугать. В семье Ци его влияние было куда выше, чем у матери, иначе она давно заставила бы его жениться на Гу Жунъань, не дожидаясь, пока он сам начнет искать способы избавиться от влияния семьи.

Но теперь мысли Ци Цзюньяня изменились. Раньше она была лишь женщиной, которая его немного интересовала, но теперь на кровати лежала та, кто пожертвовала ради него жизнью. Как бы там ни было, в этом мире есть вещи важнее жизни, но нет ничего нагляднее, чем отдать её за другого. Человек, способный на такое, способен тронуть сердце любого.

В конечном счете, Ци Цзюньянь был всего лишь обычным мужчиной.

Никто не знает, что будет дальше, но в этот миг он точно знал, чего хочет его сердце. Его любимая женщина лежала рядом, он сам был тяжело ранен, а его «родственники» пришли только для того, чтобы обсуждать свадьбу с Гу Жунъань. Несмотря на то что он давно не питал иллюзий относительно своей семьи, в этот момент он почувствовал лишь крошечную долю разочарования.

Нахлынула тоска. Он не хотел больше притворяться и вести светские беседы с семьей. Холодно взглянув на них, он произнес:

— Я не хочу вас видеть. Уходите.

— Что ты сказал? — лицо госпожи Ци стало ледяным. Она с ненавистью посмотрела на Линь Ханьхань и воскликнула: — Цзюньянь, я твоя мать! Ты думаешь, я желаю тебе зла? Чем эта женщина лучше? Такая замечательная девушка, как Жунъань, хочет расторгнуть помолвку, но даже если ты не женишься на ней, в наш дом эта девица никогда не войдет!

Ци Цзюньянь полулежал на кровати, глядя на свои ноги, обмотанные бинтами, и насмешливо усмехнулся. Подняв взгляд на ухоженное лицо матери, он спокойно ответил:

— Семья Ци в конечном итоге принадлежит мне. Ты правда думаешь, что можешь что-то изменить?

Ци Цзюньянь не был тем, кто ненавидит семью и сбегает, чтобы начать всё с нуля. Он не был настолько благороден. Раз члены его семьи хотели его контролировать, он будет контролировать их. Рады они, злы, противятся или смирились — ему было всё равно. Ему нужно было лишь держать всю семью в своих руках, чтобы никто не мог помешать его выбору. Этого было достаточно.

Госпожа Ци слишком долго жила в роскоши и забыла, что он больше не ребенок, которого

можно держать на поводке. Отец Ци был куда умнее — он сегодня не пришел.

<http://bllate.org/book/21622/2230479>